

Но в особенности стали открыто распространяться коммунистические идеи после взятия Тюильри и еще более - после казни короля, т. е. в феврале и марте 1793 г. Можно думать, по крайней мере так утверждает Бодо, что жирондисты потому выступили такими, ярыми защитниками собственности, что они утрастились влияния, которое приобретала в Париже пропаганда равенства и коммунизма¹.

Некоторые жирондисты, а именно Рабо Сент-Этьен и Кондорсе, несомненно подверглись влиянию этого движения. Кондорсе на смертном одре излагал план «взаимности», т. е. взаимного страхования всех граждан против всего того, что может привести рабочего в состояние, где он должен продавать свой труд, как бы мала ни была предлагаемая ему цена. Что же касается до Рабо, то он требовал, чтобы большие состояния были отняты у богатых либо путем прогрессивного налога, либо организуя «естественный переход избыточного богатства в общественные, общепользные учреждения». «Большие состояния представляют препятствие к свободе», - писал он, повторяя формулу, в то время весьма распространенную. Даже Бриссо, впоследствии ярый защитник буржуазной личной собственности, старался одно время найти блаженную середину по отношению к этому образу мыслей, на который он, впрочем, скоро напал с ожесточением².

Некоторые из монтаньяров шли гораздо дальше. Так, Бийо-Варенн в брошюре, изданной в 1793 г., открыто высказался против крупной собственности³. Он восставал против идеи Вольтера, что рабочего только голод может заставить работать. По его мнению⁴, следовало бы постановить, что никто не может владеть больше известного количества десятин земли и что никто не должен наследовать больше 20 тыс. или 25 тыс. ливров. Он понимал, что главная причина всех общественных зол состоит в том, что есть люди, находящиеся «в прямой, но не взаимной зависимости от других, так как это составляет первое звено в цепи рабства». Он не придавал серьезного значения нарезке мелких участков земли, которыми хотели наделить бедных, «так как их существование, - писал он, - останется жалким и несчастным, раз они должны зависеть от воли других... Мы слышали крик, - писал он дальше, - «Война замкам, мир хижинам!». Прибавим к этому следующее основное правило: не надо граждан, избавленных от необходимости иметь профессию; не надо граждан, поставленных в невозможность научиться ремеслу»⁵.

Мысль Бийо-Варенна о наследстве была возобновлена, как известно, 80 лет спустя Международным союзом рабочих на Базельском конгрессе 1869 г. Но нужно сказать, что среди монтаньяров он был одним из крайних.

Другие, как, например, Лепелетье, ограничивались тем, что проповедовалось в наше время, тоже в Интернационале, под именем «интегрального (полного) образования», т. е. обучения каждого юноши ручному ремеслу и наукам; некоторые же, как, например, Арманд, проповедовали «возврат

народа, состоящего из людей, обращенных в скелеты голодом?» — спрашивает автор брошюры «*Quatre cris d'un patriote*» (Четыре жалобы патриота). Цит. по: *Chassin Ch. L. La genie de la Revolution*, v. 1–2. Paris, 1863, v. 1, p. 287–289.

¹ Мы находим в кн.: *Baudot M. A. Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, L'Empire et l'exil des votants*. Paris, 1893, изданной вдовой Эдгара Кине (Париж, 1893), очень интересную заметку, где говорится, что, по мнению Инграна, система общей собственности, развитая Буонаротти, «возникла за несколько времени до событий 20 июня и что сами эти события возымели начало благодаря ассоциации» (Ibid., p. 10–11). Мэр Парижа Петион сообщил тогда об этом большому числу депутатов. «По-видимому, — продолжает Бодо, — жирондисты внесли столько резкости и озлобления в свою систему, потому что боялись, как бы учение этого сообщества не взяло верх». Известно, что впоследствии некоторые члены Конвента действительно приняли коммунистические воззрения и вошли в заговор Бабефа.

² В декабре 1792 г. для того, чтобы побороть «идею о разделе земель, предложенную анархистами или господами из Кобленца», т. е. роялистами-эмигрантами (Робеспьер вскоре тоже стал распространять эту инсинуацию против коммунистов), Бриссо писал, что равенство политических прав осталось бы химерой, если бы «неравенство на деле между гражданами не было уничтожено законодательством и если бы не было поставлено препятствий развитию неравенства». Но подобные учреждения, ведущие к равенству, прибавлял он, «должны быть введены без насилия и не нарушая самого первого из прав — права собственности».

³ Говоря о собственности, он представлял ее в такой интересной форме: «Собственность, — писал он, — основа гражданских обществ. Известно, что в большом государстве развитие состояний не может быть ни справедливо, ни постоянно и что под влиянием крупной торговли, поддерживаемой развитой промышленностью и богатым земледелием, равновесие постоянно нарушается. Нужно, однако, чтобы равновесие никогда не было слишком сильно нарушаемо». (*Billaild-Varenne J. N. Les elements de republicanisme*. Paris, 1793, p. 57. Брошюры Британского музея, т. F 1097).

⁴ Ibid., p. 103.

⁵ Ibid., p. 129.